

18+

АНТОН
ФРАДКИН

АНТОН ФРАДКИН
Борец за искусство

«Издательские решения»

Фрадкин А.

Борец за искусство / А. Фрадкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503607-0

Антон Фрадкин живет и работает в Москве, уже завоевал сердца читателей и критиков своей легкой, ироничной прозой. Тонко, почти незаметно балансируя между юмором и грустью, Фрадкин пишет о вечных темах русской литературы. Любовь, одиночество, жизнь русскоязычных людей в Европе раскрываются в контексте современности со всеми ее атрибутами — поп-культурой, крупными корпорациями и тиндером. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-503607-0

© Фрадкин А.
© Издательские решения

Содержание

Артроз, невроз и Даша Мороз	6
Борец за искусство	10
Сибирское гостеприимство	15
Константинос и Ариадна	21
Проклятье Саркисьян	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Борец за искусство

Антон Фрадкин

Иллюстратор Анастасия Виноградова

© Антон Фрадкин, 2020

© Анастасия Виноградова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0050-3607-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга рассказов Антона Фрадкина поразила меня своей легкостью и одновременно глубиной. Умением писателя запечатлеть мгновения так, чтобы они остались в памяти читателей навсегда, и, при этом, не придавали извечным нашим трагизмом и смакованием изнанки жизни. Здесь и смешная до колик встреча «стареющего» автора с эротической мечтой во плоти в рассказе «Артроз, невроз и Даша Мороз», и почти мистические (но тоже очень смешные) взаимоотношения автора с героями рассказа «Проклятие Саркисян», и беспощадная в самоиронии история собственной неудачи «Как я не стал бизнесменом», и комедия-буф о командировочном «Сибирское гостеприимство», и грустная и романтическая история любви «Константинос и Ариадна». И много-много других. Юмористических, светлых, чудесных... Все они действительно останутся с читателем, как остаются навсегда в нашей памяти радостные, грустные, смешные и счастливые события... Как утро в горах. Как закат у моря. Как первый поцелуй.

Борис Мирза, сценарист, писатель.

Артроз, невроз и Даша Мороз

Различного рода мечтания, волнительные фантазии и сексуальные восторги с возрастом никуда не деваются. Желание обаять, захомутать и возобладать никогда не меркнет в сердцах охотников за женскими прелестями. Иногда подмигнет тебе какая-нибудь подвыпившая дама или нимфетка в переходе попросит сигаретку – и возгорается внутри дивный пламень. И мнится тотчас, как впивается та нимфетка зубами тебе в предплечье и кричит ритмично, давая таким образом понять, что ты молодец, да не просто молодец, а еще какой! «Просто восхитительный ты чувак, простите, что не по отчеству, какой вы трепетный, а лет вам сколько? Да не может быть, любому юноше фору дадите, дяденька, только не останавливайтесь, я вас прошу!»

И помогают нам такие переживания сохранять бодрость духа и исторический оптимизм, столь необходимый в наше смутное время. Чем старше мы становимся, тем ярче и колоритней наши эротические фетиши. У меня их несколько. С полдюжины. Я накопил их за долгие годы и совершенно не умею с ними расстаться. Фетиши абсолютно безобидны с точки зрения их практической реализации. В том смысле, что эти фантазии совершенно невозможно воплотить в реальности, что меня абсолютно устраивает, так как это могло бы вызвать некоторое волнение и даже возмущение со стороны моей молодой супруги, а когда она сильно переживает, на другой стороне Садового кольца даже в час пик разлетаются в ужасе голуби.

Итак, мои фетиши. Обо всех я трусливо доложил жене еще до совершения обряда бракосочетания, дабы избавить ее доверчивую душу от неожиданных сюрпризов.

Меня волнуют японские школьницы, упругие теннисистки любых национальностей, полногрудая нестарая молочница на Дорогомиловском рынке и актриса Даша Мороз. Жена, зная меня как человека любвеобильного, со снисхождением смотрит на мои пристрастия, лишь Даша Мороз отчасти ее тревожит: стоит Даше появиться на экране телевизора, жена внимательно смотрит на меня, а потом больно щипает. Даша – востребованная актриса, она часто на экране. Я постоянно хожу в щипках. Здесь уместно будет отметить, что речь идет не о реаль-

ном человеке Даше Мороз, а об образе. Реальная Даша – счастливая молодая мама. И летает эта реальная Даша где-то высоко-высоко, куда мне точно не вспорхнуть. Вот и не приходит в голову замочить Джона Леннона или, скажем, замечательного режиссера Богомолова, чтобы Даша обратила на меня внимание. Мне дорог образ: искрящиеся глаза, дивная улыбка, ямочки на щеках. Редкий и безумно притягательный типаж: Ширли Маклейн, Елена Коренева, теперь Даша Мороз...

Я когда-то знал ее. Вернее, часто видел. Был в конце девяностых такой ресторан-клуб «Кино». Там собирались деятели искусств разного уровня, и общаться с некоторыми из них было крайне интересно. Каждый четверг я сидел за соседним столиком от Даши, которая тогда была совсем ребенком, правда очаровательным. Я любовался ею, но совершенно невинно. Мой внутренний мир не был еще столь многообразен в те времена, и мне вполне хватало одних японских школьниц. Но шли годы, Дашу я больше никогда не встречал, только смотрел фильмы с ней, наблюдая за тем, как она превращается в замечательную актрису. А здоровье с годами стало пошаливать. Внешне я остаюсь весьма привлекательным, вобрав самое лучшее от Делона и Богарта. Однако в коленях поселился артроз, и передвигаться приходится бочком, прихрамывая. Иначе больно. Если вам встретится гибрид Делона и Богарта, скачущий как Квазимодо по Каретному Ряду, то это именно я, направляющийся в сад «Эрмитаж» в поисках выпивки и новых эротических эмоций.

Коленями проблемы не исчерпываются. В результате постоянного противоречия инстинктивных влечений и запрещающего Сверх-Я, представляющего собой законы морали и нравственности, у меня образовался невроз, и я порой веду себя не совсем адекватно. Ну и венчает этот набор недугов недавно возникшая проблема со зрением, что для эротомана вообще беда. Нам ведь детали важны.

И вот несколько дней назад решил я обратиться к доктору. И врач Залия Теймуразовна, интеллигентная и вежливая дама, говорит: «Вы не волнуйтесь, мы вам сейчас особые капли зафигачим, чтобы зрачки увеличить. Сначала щипать будет сильно, а потом часов пять очень плохо видеть будете. Но это пройдет». Закапали. Целый час рассматривали через аппарат какой-то. Лампой слепили. Вышел я из клиники осоловевший и поехал на Патриаршие пруды. Надо было в этот день, представьте, в банк. И на встречу в Большом Палашевском. Приехал. Хромая и припрыгивая, поднялся по лестнице в Сбербанк. Вокруг туман. Одним глазом вижу кое-как, а другим вообще почти ничего не вижу после этих капель. Приходится плохой глаз замуривать, а второй выпучивать, чтобы хоть как-то ориентироваться.

Долго рассказывать не буду: решил я свои банковские дела и направился к выходу. Вдруг сквозь туман прорисовался силуэт женщины. Даже не имея возможности разглядеть ее как следует, я инстинктивно почувствовал, что она исключительно хороша собой. Торопясь на встречу, я собирался было уже выйти. Оставалось быстро прошагать мимо красавицы и незаметно вдохнуть ее запах, проведя носом в сантиметрах от затылка. Я так всегда делаю при встречах с красавицами. Со школьной скамьи. Зачем? А Фрейд его знает!

Однако никуда я не ушел. Девушка повернула голову, и после некоторого замешательства изумленно выпученный глаз направил в мозг шокирующий сигнал: «ACHTUNG AM DECK! DASCHA MOROZ! DASCHA MOROZ! DASCHA MOROZ!»

Да! Мой ошалевший, вылезший из орбиты правый глаз не ошибался. В очереди в кассу стояла звезда российского экрана и моя главная фантазия постъельцинской эпохи, несравненная Даша. Та, которая была делегирована ангелами, дабы радовать смертных нездешней красотой. В полном замешательстве занял я опять зачем-то очередь и уселся на длинную скамью со старушками. Устроился более или менее сзади. Надо же разглядеть в реальной жизни человека, чей образ вдохновляет и будоражит сознание многие годы!

НО МНЕ ЖЕ НИ Х...Я НЕ ВИДНО!!! Картинка есть только по краям, а в середине пятно. То есть кое-как видны ноги, в UGG'и обутые, икры видны, из UGG начинающиеся,

очень красивые икры, а дальше – как будто через целлофан. Какие там ямочки на щеках – уже талии не разглядеть!

Вдруг охватил стыд перед любимой. Все-таки я жену люблю, а так несолидно себя веду. Вслепую настрочил супруге СМС: «Я в банке. Здесь Даша Мороз! Не ругайся!» Смайлик поставил. В ответ получаю: «В банке Дедушка Мороз? А подарки нам принес?» Айфон превратил Дашу в дедушку. Слезы потекли от напряжения и обиды. Столкнуться с идеалом сразу после того, как тебе в глаза закапали дикую хрень, благодаря которой ты мечешься словно ежик в тумане! Неужели, думаю, так и не рассмотрю ее?! Или поближе подобраться? Другого шанса ведь может не быть никогда!

Встал я со скамьи и начал бочком, волоча ногу, к Даше постепенно приближаться. Опухшее красное лицо все в слезах, один глаз закрыт, другой выпучен. На голове фуражка с надписью «SEXY BOY».

И вот уже близка стала Даша. Замер я в нерешительности. Все равно видно плохо. А дальше приближаться неприлично. Сантиметров сорок осталось. В голове все смешалось. Что дальше-то делать? Может, на медленный танец ее пригласить? Надо сделать так, чтобы она заметила меня! Встал с Дашей рядом. Вспомнил, что в профиль я скорее Богарт, чем Делон. Хотя и от Делона есть что-то. Приняв роковую позу, я вскинул глаза к потолку и замер. Может, посмотрит она на меня и влюбится?

Не сразу я услышал смех. Сначала далекий, он все четче прорезался сквозь облако фантазий. Я очнулся. Смеялись все: старушки в очереди, сотрудники банка, сама Даша.

Прямо напротив меня висело зеркало: сквозь слезы я разглядел в нем силуэт красавицы. Рядом с ней, горделиво расставив ноги и сложив крылья на груди, стоял старый серый попугай. Его клюв покачивался из стороны в сторону. Один глаз попугая был закрыт, другой свирепо вращался. Не помню, как я выбежал из банка. Болели ноги. В глаза ударил крепкий мороз... Отрезвляющий, сильный мороз...

Прихрамывая, я отправился на деловую встречу. А моя прекрасная фантазия покинула меня. Но я знал, что она вернется. Как только мне снова будет тридцать...

Борец за искусство

Где-то на второй стадии опьянения, после трех рюмок коньяку, когда язык развязывается, а мысли начинают мелькать в голове с поразительной быстротой, Илюша Ерушкин часто залезал на любимого конька и говорил о русской культуре и ее мировом значении. Монологи эти должны были производить впечатление на окружающих дам, что иногда срабатывало, а иногда и нет – в зависимости от ангажированности той или иной дамы этой бескрайней темой. Щеголяя знанием имен Нижинского, Мозжухина и Гиппиус, Илюша не забывал подчеркнуть, что все они окончили свои дни вдали от родины, войдя в эстетический, политический и гастрономический конфликт с государством.

– И сейчас, – предупреждал окружающих Ерушкин, – сейчас власть тоже не склонна шутить с искусством! Посмотрите на этих новых Демичевых и Феликсов Кузнецовых¹! В новосибирском театре лажа, кино запрещают, когда в нем близость демонстрируется, выставки гро-

¹ Кузнецов Феликс Феодосьевич. Советский литературовед, литературный критик. Как руководитель Московской организации Союза писателей СССР сыграл ключевую роль в запрете публикации альманаха «Метрополь» в 1979 году. Демичев Петр Нилович. Министр культуры СССР (1974—86). Либеральными взглядами не отличался (прим. автора).

мят. Но искусство будет жить! Что бы ни творил Мутинский, ему не удастся задушить русскую культуру!

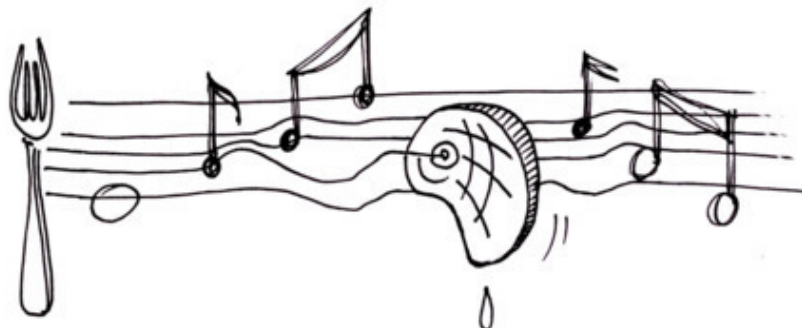
Будучи поборником правды и свободы, врагом душителей искусства, реакционеров и мракобесов, Илюша чувствовал себя бесстрашным и бескорыстным борцом с несправедливостью. Иногда ему даже удавалось зажечь слушателей. Свою будущую жену он охмурил рассказом о тяжелой судьбе Ахматовой, под конец расплывчато пообещав отомстить ее гонителям.

Илюша был внуком известного советского композитора, чьи песни пела вся страна. Ребенком он был знаком со многими выдающимися мастерами культуры, нередко забегавшими в гости к бабушке-песеннику опрокинуть стаканчик виски и обсудить творческие идеи. В семь лет он спорил с Евтушенко о роли Сталина в истории, в восемь – воровал зажигалки у Высоцкого, в тринадцать обсуждал с Альфредом Шнитке проблемы эволюции композиторской техники и призывал его восхититься чувственным мелодизмом группы Modern Talking.

Иными словами, у Илюши были все основания считать себя человеком близким к искусству и не любить министра культуры Мутинского, зарекомендовавшего себя равнодушным функционером, идеологическим варваром и притеснителем Мельпомены. Любое faux pas министра Илюша воспринимал как личную победу и доказательство некомпетентности Мутинского. А faux pas случались часто: министр видел мир по-своему. В его многочисленных интервью и выступлениях Юрий Башмет назывался «тонким игроком на пианино, мастером клавиши и педали», перу Льва Толстого приписывалась «Аэлита», а Рудольф Нуриев именовался «непатриотичным, хоть и талантливым попрыгунчиком, давшим путевку в жизнь Пенкину и Боре Моисееву».

– Эх, встретить бы его, душенька, – говорил Илюша жене. – Встретить, да и высказать ему в лицо все, что о нем думает интеллигенция! Чтобы он прозрел. Чтоб ему стыдно стало! Никто не должен занимать чужое место! Я бы так и сказал ему: «Уходи, Мутинский! Не позорь нацию Ильина и Бердяева, Репина и Коровина, Аксенова и Трифонова, Шульженко и Пугачевой, в конце концов! Не знаешь родную культуру, не понимаешь ее сути и значения – к станку или на хозяйство! Профанам не место в министерстве!» Ох, я бы ему сказал! В отставку он, конечно, не подал бы, но спать уже спокойно не смог бы никогда!

Жена с восторгом смотрела на Ерушкина и радовалась, что вышла замуж за борца и героя.

Однажды Ерушкины были приглашены на прием в загородный дом к друзьям. Дом этот был славен на всю округу своим гостеприимством и хлебосольством. Хозяин, человек харизматичный и красивый, был вхож в высшие сферы, да и сам, пожалуй, частью оных являлся. Ерушкины опоздали, и, когда они уселись за стол, пиршество было в самом разгаре. Присутствовало много известных людей, сотрудников различных администраций, управлений и законодательных структур.

Прямо напротив Илюши сидел хмурый мужчина в очках и сосредоточенно жевал антрекот. Что-то в нем показалось Илюше знакомым. Да и жена несколько раз пнула Ерушкина ногой под столом. Не сразу, но с пугающей отчетливостью до Илюши дошло, что жующий мужчина и есть министр Мутинский!

«Ага, миленький! – кровожадно подумал Ерушкин. – Вот я тебе сейчас все и скажу, мучитель наш! Сейчас я тебе все выскажу, как Цицерон в Сенате, как Ельцин на первом съезде народных депутатов! Антрекот жуешь? Подавишься своим антрекотом!»

Однако встать и заговорить оказалось не совсем удобно. Во-первых, Ерушкины были в гостях и не имели права ставить хозяина в неловкое положение; во-вторых, самого Илюшу вдруг сковала какая-то неуместная застенчивость.

«Вот же мой шанс внести вклад в спасение русской культуры, – думал Ерушкин. – Чего я сижу молча? Ну, ладно. Сейчас водки хряпну, отзову его и нашепчу ему прямо в ухо месседж от истстрадавшейся российской интеллигенции».

Илюша действительно выпил, но остался сидеть, пытаясь набраться храбрости для решительного выступления. Тем более что и жена, похоже, ждала от Ерушкина героического поступка. Она без нежности смотрела на Мутинского и вызывающе громко грызла сельдерей.

Вдруг к Илюше подошла хозяйка дома.

– А позвольте, господин министр, представить вам внука замечательного нашего композитора Ерушкина!

Мутинский на долю секунды перестал жевать, посмотрел на Илюшу, потом быстро дожевал и проглотил. Потянулся за новым антрекотом. Илюша министра не заинтересовал. Очаровательная хозяйка тем не менее проявила настойчивость:

– На песнях Ерушкина выросло не одно поколение россиян. И сейчас мы исполним вам кое-что из его произведений!

Неожиданно заиграла музыка. Это был известнейший хит Ерушкина-старшего про путешественника, зовущего друга посетить Восточную Сибирь.

– Пой! – шепнула Илюше хозяйка. – Я тебе подтяну.

– Да как же? Не умею я петь! Вы уж сами!

– Не позорься. Видишь, он на тебя смотрит. Спой! С тебя что, корона свалится?

– Позвольте! Но ведь это позор – петь Мутинскому! Пусть ему Басков поет!

– Не подводи меня, прошу.

Выбора не было. Стараясь не смотреть на жену, Илюша поднялся и откашлялся:

– Увезу тебя в тайгу я, увезу, мой нежный друг, – душевно пропел он, глядя на Мутинского и внутренне стораю от стыда. – Там, среди елок, пихт и сосен, ты опять воспрянешь вдруг...

Песня захватила окружающих. Илюше подпевали уже несколько человек. Через минуту весь стол разразился мощным припевом:

– Ты увидишь, что напрасно по тайге мошка летает, она русских не кусает, я тебе ее дарю-у!

Мутинский, не меняя хмурого выражения лица, дирижировал вилкой, на которой оставался висеть кусочек мяса. Илюшина жена замороженно смотрела на эту вилку. На ее лице застыла неестественная улыбка. Гости пели, чокались и обнимались.

Вечер всем понравился. Кроме Ерушкина. Когда они с женой возвращались в город, пьяный Илюша, кипяťясь, втолковывал дремавшей жене:

– Нельзя в гостях поднимать скандал! Это неприлично. Вот я и не стал. Ведь вокруг столько людей! Вот когда я встречу Мутинского на улице или в подворотне, я ему все выскажу. Да еще и матом. Будет знать, как издеваться над нашей культурой!

Жена умиротворенно посапывала. Теперь она знала, что ее героический муж не просто борец за свободу искусства, но еще и неплохой певец.

Сибирское гостеприимство

События, о которых мы желаем поведать читателю, разворачиваются на бескрайних просторах Западной Сибири где-то году в 2004-м или 2005-м, то есть в разгар эпохи стабильности, когда нефть, напоминаем, стоит дорого, перспективы кажутся безграничными, а настроение – преимущественно мечтательное.

Так вот, Западная Сибирь, середина нулевых. Май месяц. Если по-киношному сделать наезд камерой из космоса (так называемый zoom in), то зритель видит лишь болота да бесчисленные нефтяные вышки, которые качают и качают черную кровь из недр Земли.

Однообразные ландшафты кажутся бесконечными, лишь редко возникающие контуры небольших городов разнообразят унылую картину. В городах живут работники нефтяной и газовой промышленности со своими семьями. Живут, надо сказать, весьма благополучно. Все-таки сырьевой сектор. Просим космического оператора дать крупный план самой значительной из этих петролеумных цитаделей. Это Нижневартовск. Один из административных центров Ханты-Мансийского автономного округа. Нефтяная столица России. Героически

построен рядом с гигантским месторождением Самотлор комсомольскими энтузиастами второй половины 60-х.

Камера приводит нас в аэропорт Нижневартовска, и мы видим красиво приземляющийся лайнер на фоне оранжевого закатного солнца. Несколько минут самолет вырубивает, к нему подъезжает трап, и пассажиры бодрым ручейком скатываются вниз. В это время в зале ожидания наблюдается некоторая растерянность и даже беготня. Это суетятся представители управляющего офиса главной местной нефтяной компании. Чиновники, охрана, пиар-служба. Всего пара десятков человек. Нервничают. Распоряжение от московских шефов, известных весьма жестким стилем управления, свалилось совершенно неожиданно. Как снег на голову. Принять, разместить и ознакомить с производством группу студентов института нефти и газа из шотландского города Абердина. Проявить гостеприимство. Кормить и развлекать. Оберегать. Отвечаете головой!

– Хлѣпана плять! Что я буду делать здесь с англичанами? Какого дьявола мне нести за них ответственность? – волнуется начальник службы охраны Орлов.

– Не с англичанами, а с шотландцами. Не дергайся, пробьемся! – успокаивает коллегу директор службы пиара Константин, пытаюсь скрыть собственную нервозность. – Вообще, это ж интересно! Парни в юбках. Волынки. Шотландские девицы огненно-рыжие... Схватишь такую, а тело у нее белое-пребелое, все в веснушках. Кельты, одним словом. Северяне.

– Ты хватал, что ли? – удивляется Орлов.

– Нет, но не отказался бы, – мечтательно вздыхает Константин. И возвращается в реальность: – Ленка, Танька, держите транспарант выше! Вдруг мы их упустим! Вообще за такую надпись в Шотландии сожгли бы на хрен!

Тощие Ленка с Танькой поднимают табличку с логотипом компании, на которой какой-то офисный недоумок нацарапал: «We love England in general and Aberdeen in particular!»

А из толпы между тем выделяется группа пассажиров и уверенно шагает к встречающим. Их человек тридцать. Вид у них странноватый, совсем не шотландский. То есть вполне себе иностранцы, но какие-то не европейские. Скорее африканские. Черные, как смола. Местные недоумевают. Может, ошибка какая-нибудь? Немного отходят назад. Озираются. Глазами ищут в толпе рыжих шотландцев в клетчатых килтах. Негры между тем дружелюбно улыбаются и надвигаются на наших. Среди черных лиц материализуется несколько более светлая физия, и от группы отделяется паренек с баклажанообразным носом, большими ушами и чудовищно грязной головой. Он подруливает к россиянам и радостно выстреливает черноморским акцентом:

– Пгивет, я Миша! Мы к вам пгиехали из Абегдина, смотгеть Сибигь и пить водку!

– Ты чего-нибудь понимаешь? – спрашивает Орлов у Константина.

– Сложно сказать... Судя по всему, эти негры почему-то студенты. А еврей у них за главного, – шепотом делает предположение продвинутый пиарщик.

– Час от часу не легче! У нас тут таких смуглых никогда не видели. Как бы не вышло чего! Ладно, везем их сначала на площадь Покорителей Самотлора, а потом в гостиницу. Добро пожаловать, дорогие друзья! – это уже темнокожим.

Гостей в результате оказывается двадцать восемь. Средний возраст – года двадцать три. Британское студенчество представлено гражданами Анголы, Эфиопии, Замбии и Бурунди, а также Мишей Айснером – кишиневским евреем, очень грязным и очень общительным. Девушек всего пять. Четыре экзотичные студентки красотой, к сожалению, не блещут. У них огромные губы и приплюснутые носы. Впрочем, продвинутый гурман наверняка одобрит их очевидную дородность и манящие большие зады. Ценители интимных свиданий с неславянскими дамами, а тем более с представительницами племен, обитающих у рек Окаванго, Замбези и на просторах Эфиопского нагорья, от таких вариантов термоядерной близости, скорее всего, не откажутся. Что касается пятой студентки, то она просто феерична! Веса в ней килограмм сто

пятьдесят. Рост под два метра. Взгляд томный, рот приоткрытый, груди необъятные, а задница неизмеримая. Пахнет сия прелестница нездешним потом и типично африканскими эссенциями, среди которых выделяются дурманящие запахи дерева иланг-иланг. Зовут ее, как выясняется, Мандиша Себе-Океке. Константин, конечно, не знает, что это запахи именно дерева иланг-иланг, но совершенно балдеет и, пока автобус едет, смотрит на африканку с растущим воодушевлением. Та кокетливо поерзывает на двух сиденьях.

У памятника Покорителям Самотлора, расположенном на въезде в Нижневартовск, студенты выгружаются и хмуро слушают краткую лекцию о пионерах нефтедобычи. Затем они фотографируются всей группой. А вокруг постепенно растет толпа любопытных горожан. Уже человек с полста остановилось. Рассматривают гостей. Слышен восхищенный шепот: «Негры! Смотрите, живые негры!» Десятки рук тянутся к испуганным африканцам. Всем хочется потрогать их волосы, плечи, другие места и выпуклости. Орлов растерянно замирает. Однако опасности никакой нет. Вскоре начинается братание, фотографирование и ощупывание друг друга. Местные пихают в руки студентам своих онемевших детей. Все с удовольствием позируют. Дружба народов в действии. Недоволен лишь один начальник охраны. Он вообще не любит нестандартных ситуаций. Вот и сейчас озабочен: как бы не вышло чего – на ногу наступят иностранцу или сопрут бумажник у какого-нибудь доверчивого визитера. Публика ведь разная. Не только передовики и отличники.

– А ну, граждане, расступаемся, – кричит беспокойный Орлов. – Прощаемся с дорогими гостями! Они устали с дороги. Расстаемся! По-быстренькому закругляемся!

Студенты возвращаются в автобус, который уже через пару минут подъезжает к небольшому мотелю. Южане выстраиваются в очередь у стойки регистратора. Константин зачитывает им программу на ближайшие дни. В нее входят посещение месторождения, местной городской администрации, офиса компании «Самотлоргазонефть» и другие протокольные и образовательные мероприятия.

Студенты начинают шептаться, хмуриться и в конце концов выталкивают вперед Мишу:

– Гебята интегесуются, а когда мы будем тусоваться?

– Что конкретно вас интересует? – вмешивается нервный начальник охраны.

– Нас интегесует night life, клубы, пгиключения, you know, sir? Экскугсии и встгечи это хогошо! Но мы хотим отгываться и танцевать! Общаться со свегстниками! – чеканит Миша.

– Приехали! – тревожно шепчет Константину Орлов, разбухая от волнения. – Если их куда-нибудь пустить, то мы себе приключений на жопу наживем точно! Ты наших парней знаешь! Они непохожих не любят. Негров видели только по телевизору. Они и так друг друга мудохают около «Мегаполиса», когда нажрут, а уж этих-то просто поубивают. И тогда кранты нам с тобой, Костик! Сказано же: развлекать и оберегать!

«Мегаполис» – единственный в городе ночной клуб. Выстроенный на нефтяные деньги, он прекрасно оснащен и вмещает две тысячи гостей. Гости, правда, попадают разные. В Нижневартовске не самая идеальная аудитория для достойного ночного заведения. Бурильщики, геологи и водители на отдыхе не все поголовно беседуют о новых веяниях в мире искусства, потягивая шартрез из тонких бокалов. Некоторые, из числа менее культурных, стаканами хлещут водку, а затем пляшут под песни группы «Дюна» со своими дамами, после чего устраивают из-за них кулачные бои, не брезгуя при этом лягаться ногами. Поэтому в клубе и на улице полно охраны.

– Ну и не пустим их никуда! Ни сегодня, ни завтра. Официальную программу проведем, город покажем, а вечером в гостиницу – милости просим. Три дня продержимся!

– А как мы им объясним-то? – волнуется Орлов. – Иностранцы же, демократы, фля. Не привыкли небось взаперти сидеть...

– Мы им скажем, что нет у нас развлечений в городе.

– Давай попробуем...

И наступает вечер. Студентов кормят пельменями, желают им спокойной ночи и оставляют в мотеле. Тут выясняется, что условные шотландцы прекрасно подготовились к поездке и знают о существовании в городе большого клуба. К десяти вечера вся группа собирается у выхода в предвкушении ночного приключения. Но дорогу им неожиданно перекрывают мужественные охранники нефтяной компании, а также несколько привлеченных омовцев, вооруженных дубинками. Ясное дело: любое ЧП приведет к самым печальным последствиям для гостеприимных хозяев.

– Ноу, ноу, дорогие гости! Нот тунайт! Всем немедленно разойтись по номерам! – уезжает студентов Константин.

– What the fuck? – удивляется темнокожая молодежь.

– Завтра у вас сложный день. Бизи дэй!

– Не имеете пгава! – кричит Миша. – Пустите нас танцевать!

– А у нас нет на это разрешения руководства. Завтра получим, может быть. Если очень надо потанцевать, то можете здесь... прямо у входа в гостиницу. Музыку мы включим.

Африканцы понимают, что спорить бесполезно, и вроде как расходятся по комнатам. Однако скоро начинают бодро выпрыгивать из окон первого этажа и пытаются перелезть через забор. С той стороны их нежно принимает охрана и, несильно вывернув руки, заводит обратно в мотель. Все это длится не менее получаса, после чего студенты сдаются. Лишь огромная Мандиша еще некоторое время смотрит на Константина коровьим взглядом и взволнованно дышит. Излучаемые ею флюиды проникают в каждую клетку щуплого тела начальника службы по связям с общественностью, но он мужественно держится, стараясь мантрами потушить возникший жар в паху.

На другой день хмурых студентов долго возят по предприятиям и грузят историями о развитии нефтяной промышленности в России. В разгар мероприятий Константин получает звонок из Москвы, и ему доходчиво объясняют, что брать гостей под стражу и запиравать их в гостинице совершенно не соответствует изначально поставленной задаче. И предлагают исправить ситуацию любым способом, грозясь в случае провала отрезать Константину самое дорогое и необходимое.

Испуганный Константин на время забывает о Мандише. Вместе с Орловым, волнуясь и переругиваясь, они разрабатывают грандиозный план досуга темнокожих визитеров. И вечером к мотелю подкатывает автобус, который, представьте себе, везет обрадованную молодежь в «Мегаполис». Однако, зайдя туда, студенты с раскрытыми ртами смотрят вокруг и ничего понять не могут. Гигантский клуб совершенно пуст. Есть ди-джей, пара официантов и бармен. Больше никого. Нельзя же допустить контактов с непредсказуемой местной публикой! Вуаля, молодые люди! Развлекайтесь! Ни в чем себе не отказывайте. Танцевать можете хоть до потери сознания.

Выясняется, что клуб срочно арендован нефтяной компанией и предоставлен в полное и безраздельное пользование маленькой группе зарубежных гостей. Те, конечно, в полном недоумении, но в силу своего естества начинают приплясывать – африканская кровь не может не воспламениться от зажигательных ритмов хип-хопа. Затем энтузиазм, разумеется, спадает. Опять слышится уже знакомое: «What the fuck?» Студенты явно волнуются.

– Почему мы одни? Нам непонятно! Сообщим в Москву! – угрожает от имени коллектива грязноголовый переговорщик Миша. Назревает международный скандал. Что совершенно не в интересах принимающей стороны.

– Что делать будем, Костя? – нервно спрашивает Орлов, у которого начинает дергаться левый глаз.

Мозг Константина лихорадочно ищет выход. Терять работу ему совершенно не хочется. И решение неожиданно приходит: в приказном порядке на сцену направляются все присутствующие клерки и офисные дамы, числом не менее полутора десятков, а Орлов приглашает

на dance floor сотрудников службы охраны и примкнувших к ним омонцовцев с дубинками. Танцы кое-как возобновляются. И постепенно настроение выравнивается и продолжает расти. Восторг охватывает принимающую сторону. Глядя на скачущих темнокожих, сибиряки входят в раж. Приплясывает Орлов, всю дрыгают ногами офисные люди. Рядом скачет безумный Миша. Охранники заламывают кренделя, не отрывая глаз от африканских девиц, исполняющих невиданный в этих широтах страстный танец попами – знаменитый twerking, или booty dance.

А на расслабившегося Константина горой надвигается чувственная Мандиша. Она берет его в охапку и тащит на улицу. Валит на скамейку и, хлюпая, целует в губы, придавив менеджера своим трепещущим, горячим, необъятным телом.

«WHAT THE FUCK... Ведь задание руководства выполнено...» – успевает подумать пиарщик и окончательно тонет в объятиях африканской соблазнительницы.

* * *

Утро следующего дня. Довольные и усталые студенты прощаются в аэропорту с гостеприимными сибиряками. Охранники обнимаются с губастыми девицами, стараясь напоследок их еще раз как следует облапать. Успокоившийся Орлов обменивается телефонными номерами с немытым Мишей. Все улыбаются. Лишь потрясенному, бледному Константину явно не до улыбок. За одну ночь ему вдруг открылось, как велик и разнообразен мир, сколько тайн и наслаждений он таит. Мучительно захотелось отправиться в дальнее и долгое путешествие. Смотреть, общаться, учиться и любить. Но сказать, к сожалению, намного проще чем сделать... И наша камера начинает медленно удаляться (делать zoom out), пока Константин с грустью смотрит на уплывающую от него навсегда невероятную женщину Мандишу, столь непохожую на шотландку. Последнее, что мы улавливаем, это аромат нездешнего пота, смешанного с африканскими эссенциями, среди которых выделяется дурманящий запах дерева иланг-иланг.

Константинос и Ариадна

Притча о чрезмерном увлечении странными восточными учениями и модной эзотерикой.

На далеком и сказочном острове Наксос, чьи берега омывает печальная и тихая волна Эгейского моря, жил когда-то рыбак по имени Константинос. Было ему около сорока лет, роста он был среднего, а телосложения крепкого. Каждый день на своем баркасе выходил он с товарищами в море и возвращался в порт с уловом перки, кефали и морского леща. Это обеспечивало ему скромную, но безбедную жизнь. Много ли надо одинокому рыбаку?

Был у него домик на берегу и даже своя маленькая песчаная бухта, которую он именовал пляжем. Вечерами сидел рыбак в беседке у моря, пил понемногу александрийское мускатное вино и наигрывал любимые мелодии на лютне, прекрасной греческой лютне, которую называют бузуки. Мелодий было немного, и Константинос, повторяя их, постепенно впадал в меланхолию. Так избавлялся он от невеселых мыслей об одиночестве и однообразии рыбацкой жизни. Солнце спускалось за горизонт, с моря приходил ласковый теплый ветер, листья оливковых деревьев принимались шепотом напевать колыбельную. Тогда Константинос нехотя поднимался и шел в дом. Надо было рано ложиться спать.

Этому монотонному ходу жизни суждено было неожиданно измениться. Как-то раз на рыбном базаре он вдруг увидел незнакомую девушку лет двадцати. Она была стройна и изящна, как горная лань, высокая, с круглой крепкой грудью. Густые смоляные волосы ниспадали до поясницы. В омуте черных глаз потонул бы и самый спокойный из мужчин, каких среди греков не так много. Она темпераментно торговалась с продавцами. Хватала рыбу за жабры, трясла ею, воздевала к небу глаза и громким низким, но очень чистым голосом вопрошала: «Это почему же двенадцать драхм? Ведь еще на прошлой неделе десять было!» Продавцы, конечно, были готовы ей уступить, но им не хотелось расставаться с юной горячей красавицей, чья жестикуляция была столь грациозна.

На Наксосу все друг друга знают, поэтому было очевидно, что девушка нездешняя и приехала недавно. Константинос пошел за ней и уже через час знал все, что ему было нужно. Ее звали Ариадна. Она приплыла с Крита. Родственники дали ей денег, наняли помощника и помогли открыть маленький фруктовый магазинчик, где продавались сочные, блестящие на солнце апельсины, сахарные арбузы, македонские сливы, персики с Крита, а также обязательные на острове финики.

Что-то необычное творилось с Константиносом в следующие недели. Он думал об Ариадне, когда выходил утром в море, тянул сети, когда возвращался в порт и даже когда сортировал пойманную рыбу. Он мечтал о ней вечерами на берегу, перебирая струны своей лютни.

Они познакомились на Пасху. Прибрежный городок был украшен гирляндами. Отовсюду доносилась праздничная музыка. Запах костра разливался в воздухе – в каждой таверне в тот день жарили на вертелах баранов. А вечером, после грандиозного фейерверка и богатого ужина, весь остров пустился в пляс. Небо было усыпано звездами. На центральной площади маленького городка подвыпившие музыканты играли то кофтоc, то сиртаки, то каламатьянос – знойный танец, в котором участники, обнявшись и построив круг, выделывают ногами замысловатые кренделя. Не очень трезвый Константинос умудрился, приплясывая, приблизиться к Ариадне и сплести с ней руки в тот момент, когда танцующие островитяне образовали круг. Он смотрел на нее влюбленными глазами и лучезарно улыбался, демонстрируя великолепные зубы. И девушка тотчас почувствовала бушевавший в рыбаке огонь. В глазах его было столько восторга, обожания и страсти, что огонь этот отчасти перекинулся и на нее.

После длинного веселого танца она позволила увлечь себя и оказалась за столом Константиноса. Его товарищи, представившись и наговорив стесняющейся Ариадне кучу комплиментов, отвернулись и принялись обсуждать свои рыболовецкие дела. Опытный мужчина сразу взял быка за рога. Поведав юной продавщице фруктов о своих чувствах, Константинос высказался в том духе, что ей не придется больше ходить за рыбой на базар, так как он лично будет заботиться о том, чтобы самая лучшая и свежая рыба была у нее на столе всегда, совершенно бесплатно, разумеется.

Это не могло не произвести на Ариадну впечатления. Было выпито уже немало афири и мавродафни, теплый ветер лизал ей руки и проникал под платье, от взглядов Константиноса кружилась голова. Той же ночью он увел ее к себе. И случилась у них любовь. Он зацеловывал ее на пляже, проникая в каждую клетку ее девичьего тела. Ариадна отдалась рыбаку с искренней страстью, как это и принято у темпераментных южанок. Оба были счастливы. На рассвете Константинос играл любимой на лютне и кормил лукумадесом – сладкими пончиками, политыми медом.

Ариадна никогда раньше не знала такого сильного чувства, таких ярких эмоций. Ее рыбак был лучшим в мире – она это почувствовала в ту первую ночь. Они сразу стали жить вместе. Днем работали, а вечерами сидели у моря, взявшись за руки, глядя вдаль, где на горизонте видны были лишь далекие паруса проплывавших яхт.

– Ариадна! – нежно шептал Константинос. – Спасибо тебе, моя звезда! Ты протянула мне волшебную нить, которая вывела меня из лабиринта тоски и одиночества, спасла от свирепого минотавра, уже настигавшего меня.

Их пыльные ночи были наполнены жаром и безумием. Казалось, сам бог Эрос, верный спутник Афродиты, направлял их в объятия друг другу.

Через месяц они поженились. В быту Ариадна оказалась великолепной хозяйкой. Готовила уставшему Константиносу реви́фью из нута, постную фасоладу и тяжелую душистую мусаку. Была неутомима в стирке и уборке. Охотно штопала. Два счастливых года пролетели как один день. Рыбак любил Ариадну все больше и мечтал о детях – трех мальчиках. Он даже знал уже их имена: Стафил, Энопион и Фоант.

Но все проходит. Даже на сказочном острове Наксос. Что-то стало меняться в Ариадне. Она уже не так восторженно слушала лютню, реже улыбалась, а ночами, когда Константинос любил ее, все чаще смотрела в потолок и лицо ее не сияло, как прежде. Юной гречанке становилось скучно. И уже не всегда она торопилась домой после работы. А потом в ее жизнь пришло увлечение. Кто-то рассказал Ариадне, что на соседнем острове Парос, скалистом и неудобном, есть группа единомышленников, объединенных общей маниакальной идеей – разрисовыванием унитазов. В основном рисовали квадратики, кружочки и треугольники. Это занятие, как уверяли посвященные, вело к просветлению, позволяло открывать в себе новые горизонты, духовно очищаться и вообще становиться лучше.

История туалетного рисования восходила к Сократу, Платону и Аристотелю. Те первыми принялись чертить на домашних глиняных амфорах и каменных плитах общественных уборных всякие знаки и, как известно, со временем превратились в великих мудрецов-философов. После этого в Древней Греции туалет в доме каждого аристократа стал считаться чуть ли не священным местом. Ведь именно там особенно хорошо думалось. В головы надолго зависавших в уборной эллинов нередко приходили великие философские мысли. Вознеся хвалу богам, аристократы в благодарность разрисовывали свои отхожие места всякими знаками и узорами. В процессе намалевывания значков возникали еще более грандиозные мысли. Мудрые просветленные люди вообще переставали выходить из уборных, дабы не прерывать мыслительного процесса. Рабы приносили им краски, пищу, приводили наложниц. Туалеты мыли каждые три дня, чтобы было на чем малевать. Постепенно стали развиваться разные школы философии, символом каждой из которых становилась та или иная геометрическая фигура. От тех, кто в своих клозетных медитациях напирал на квадратики, пошли эпикурейцы, любители кружочков стали скептиками, а предпочитающие рисовать треугольники превратились в стоиков.

И вот спустя две тысячи лет древний обычай возродился. Последователи туалетных мыслителей появились по всей Греции. А остров Парос стал их Меккой. Пришли новые мудрецы, объяснявшие как добиться максимального просветления и очищения в процессе сидения в туалете и последующего художественного оформления унитаза. Они также проводили семинары,

где учили технике правильного лежания на туалетном полу и стояния на четвереньках перед толчком с кисточкой. Была даже разработана особая гимнастика, укреплявшая локти и колени.

Ариадна всей душой жаждала света и новизны. Поэтому очень заинтересовалась и отпросилась у Константиноса на соседний остров. Удивленный и озадаченный, он тем не менее отпустил ее. Любящий рыбак инстинктивно чувствовал, что раскраска толчков ни к чему хорошему привести не может. Но Ариадна так упрашивала его, что Константинос вынужден был ей уступить. Прекрасная гречанка уплыла на пароме через пролив, обещав вернуться через три дня. Константинос провожал ее в порту и, как только паром сдвинулся с места, уже начал отсчитывать часы, остававшиеся до ее возвращения.

Она действительно вернулась. Не через три дня, а через неделю. Константинос сразу почувствовал, что с ней что-то произошло. Взгляд стал чужим, рассеянным. По лицу блуждала странная улыбка. Когда они оказались дома, Константинос тотчас попытался овладеть ею, но Ариадна вырвалась и, схватив сумку, заперлась в туалете. Рыбак долго звал ее, но она вышла лишь через час. И покорно ему отдалась. После этого Константинос заглянул в туалет и в ужасе отскочил. Не только унитаз, но и рукомойник, стены и пол были разрисованы разными геометрическими фигурами. Ариадна, видимо, еще не определилась с выбором философской школы.

Их отношения стали портиться. Постепенно Константинос начал утрачивать контроль над молодой женщиной, которую так любил. Над той, которая должна была стать матерью его детей. Теперь она уезжала на Парос каждые выходные. Да и на Наксосе она обработала все толчки в прилежащих тавернах. Квадратики, треугольнички и кружочки украшали теперь даже портовый туалет – не самое стерильное место на острове. Ариадна все больше пахла хлоркой, но выглядела вполне счастливой. Девушка продолжала работать, даже иногда готовила дома мусаку. Она стала рассуждать о философии, постоянно цитируя то Демокрита, то Гераклита, то даже Диогена Аполлонийского. Константинос видел, что происходит неладное. Он пытался разговаривать с Ариадной, апеллировал к здравому смыслу, порядочности и семейным ценностям. Но его Ариадна исчезла. Это была уже совсем другая женщина. Ей не нужен был верный Константинос. Она превратилась в жрицу культа отхожего места.

Скоро Ариадна начала проповедовать среди молодых портовых рабочих и моряков. Загорелые, мускулистые, они с восторгом внимали глубокомысленным речам изящной девушки, наблюдали, как она принимает различные сложные позы, демонстрируя, как лучше подлезть с кисточкой к основанию унитаза, а потом дружно бежали в туалет. Один из них – кривоногий и широкоплечий Вассилиос – стал ее совсем уж близким другом. Когда Константинос узнал об этом (на острове ничего нельзя удержать в тайне), он долго отказывался верить очевидному. Ведь он так любил свою Ариадну! Он каждый вечер, как и раньше, сидел с лютней на берегу и наигрывал привычные мелодии. Не испытывал мук, просто в душе его образовалась пустота, а в сердце поселился холод. Лишь однажды он вышел из себя, когда Ариадна проходила мимо его дома в поисках какого-нибудь сортира.

– Вон отсюда! – вскричал, завидев ее, несчастный рыбак. – Порнокоритсо! Врамьярис! Пошла на х...й с моего пляжа!

Он погнался за ней, размахивая лютней, как томагавком. Но Ариадна бегала лучше его. Ей без труда удалось оставить мужа далеко позади.

Так закончилась волшебная любовь юной продавщицы и немолодого рыбака. Больше они не виделись. Она скоро закрыла свой фруктовый магазинчик и переехала на Парос. А Константинос остался один. У него были только лютня, море да пара верных товарищей. Придя в себя, он стал жить как раньше, будто и не было этих счастливых двух лет. Он не думал об Ариадне часто и вообще верил, что встретит новую любовь. Хотя сердце его оставалось холодным.

Однажды осенью обычно ласковое Эгейское море вдруг возмутилось, подул ураганный ветер и разыгрался нешуточный шторм. Константинос, глядя на черные волны, накатывавшиеся на берег, слушая, как хлещет по крыше ливень, абсолютно неожиданно для себя почув-

ствовал, что должен найти Ариадну, что любовь к ней не исчезла, а только спряталась где-то глубоко внутри. Он распахнул дверь и побежал в сторону порта, намереваясь, несмотря на бурю, переплыть на баркасе пролив и разыскать на соседнем острове жену, даже если для этого пришлось бы облазить все тамошние туалеты. Он хотел отхлестать ее по щекам, отмыть, привести в чувство и спасти.

Жестокий ураган повалил в ту ночь много деревьев. Старый кипарис, падая, повредил высоковольтный столб. Оголенные провода упали в траву. Константинос бежал к порту напрямик и наступил на один такой провод. Ток убил его мгновенно. Так глупо и неожиданно закончилась жизнь этого достойного человека.

Об Ариадне долго не было ничего известно. Она пару лет жила на Паросе, а потом уехала. Говорили, что ее видели в уборной аквапарка на острове Закинтос, но это были слухи, не более. Лишь годы спустя стало известно, что молодая женщина уехала на север страны и даже родила там трех мальчиков. Рассказывают, что Ариадна сильно изменилась. Повзрослев, она переросла и свое увлечение. Она замужем и почти не вспоминает о своем прошлом. Растит детей и торгует фруктами. Лишь иногда ей кажется, что ветер доносит откуда-то далекие звуки лютни, Ариадна выходит к морю и долго стоит молча. Потом тяжело вздыхает и бредет в дом.

Проклятье Саркисян

Армяне, как известно, нация довольно древняя. Русских, американцев и северных корейцев еще в природе не было, а армяне, представьте, были. Вокруг них суетились всякие фракийцы, финикийцы, загадочные парфяне. С юга накатывались какие-то эллинистические Селевкиды. Вот с кем приходилось иметь дело в те далекие времена, о которых нам, увы, так мало известно. Несколько тысяч лет народ, обитавший в окрестностях горы Арарат, развивал свою уникальную культуру, хранил обычаи и берег традиции. И выживал в самых сложных ситуациях. Поэтому я с огромным уважением и большим теплом отношусь к этому древнему племени!

А вот армяне меня не любят. Во всяком случае, часть армян. Конкретнее – носители фамилии Саркисян²

² * правильно писать Саркисянов, но так же, как и в названии, автор допустил эту ошибку намеренно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.